УДК 122/129

О субъективности как онтологическом условии правосознания

Райкова Любовь Михайловна

Кандидат философских наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail.: monapiter@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен субъективности и возрастание его социальной значимости в настоящее время. Структура и динамика современного общества столь многомерна, что общественное бытие детерминирует и необходимую вариативность общественного сознания. Конкретный анализ изменчивости сознания представлен в форме основных силовых тенденций, противоречиво иницирующих акты субъективности. В числе таковых в статье рассматривается взаимовлияние технической среды и современного человека, императивное давление ценностей потребительского общества, массовое воздействие на индивидуальное сознание современных ИТ-технологий, возрастающее социальное неравенство и усиливающееся давление многочисленных социальных регуляторов. В статье представлен аналитический концепт субъективности, спектр исторических форм ее выражения и предложена авторская трактовка данного понятия как всеобщего способа самовыражения человека, конструирующего мир идеального бытия сообразно собственной имманентности при активной ориентации на другого, вхождении в языковое пространство и усвоении социальной императивности. Особое внимание уделяется процессу актуализации субъективности, становящейся действительностью в актах сопричастности с Другим. Ценностная значимость Другого трактуется как исходное основание правосознания, а оно есть система социальных отношений, активно действующей силой которого и оказывается субъективность.

Для цитирования в научных исследованиях

Райкова Л.М. О субъективности как онтологическом условии правосознания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 2А. С. 82-90.

Ключевые слова

Человек, субъективность, интенция, техническая реальность, социальное неравенство, зависимость, онтологическая возможность, актуализация.

Введение

Современность, т.е. первые десятилетия XXI в., изобилует таким многоцветьем социальных процессов, ситуаций, таким разнообразием возникающих и исчезающих актов общественной жизни, что научному взгляду не всегда удается последовательно и системно классифицировать быстро сменяющиеся картины в калейдоскопе многообразных событий.

Но в то же время динамика и многообразие социальных актов инициирует исследовательскую мысль на особое внимание к ним в целях уяснения оснований и сути исторической темпоральности, а также понимания тех движущих сил, которые задают как направленность развития разнокачественных социальных образований, так и факторы организации их специфики.

Живая история современности каждодневно создается конкретными людьми, а характер, формы, темпы движения социальных процессов обуславливаются их единой волевой организующей силой, которая и оказывается внутренне действующей пружиной общественной активности. В силу чего в настоящее время возрастает социально значимая роль действующего человека, конкретно отдельной личности – субъекта творимой им общественной силы, группы, позиции (будь то партия, государственная должность, кандидатуры на выборах, лидеры общественных движений и т.п.). И потому правомерно высказать суждение о возрастании социальной значимости феномена субъективности в реалиях современной общественной жизни, что и является объектом анализа настоящей работы.

Человек настоящего времени есть бесконечно актуальная интенция субъективности. В нем сосредоточено такое множество социальных связей, отношений, обязательств, требований, норм, правил и законов, что их совокупная действующая сила превышает его индивидуальные возможности адекватной ответной реакции. И он стихийно, зачастую иррационально вынужден выстраивать системы индивидуального самосохранения, в которых с наибольшей полнотой воплощается феномен субъективности.

Основная часть

Обозначим наиболее очевидные вызовы сегодняшнего дня, предъявляемые современному человеку, и сразу же отметим, что названные силы воздействия далеко не исчерпывают всей глубины социального давления.

В системе общезначимых современных факторов влияния на особенности поведения и деятельности современного человека в исследовательской среде называется техническая реальность, ставшая ныне самостоятельной предметной областью познания – философией техники [Хайдеггер, 1993]. Бытие и действие данной реальности столь многолико и многомерно, что представить процесс «технической обработки человека» возможно только эскизно или тезисно. Так, в частности, техническая среда приобрела всеобщий, планетарный характер, что необходимо изменяет взаимоотношения человека и техники: последняя становится ведущей первичной силой, подчиняющей человека и регулирующей его жизнедеятельность. Техника издавна пленяет человека, предлагая ему удовольствия освобождения от рабства тяжелого труда и награждая его свободой самовыражения. Этот процесс имеет тенденцию прогрессивного развития и незаметно для себя человек становится слугой техники, при этом добровольно принимая ее императивы.

Добровольное служение человека технике с особой остротой проявляется в ее фетишизации. Общественное сознание, т.е. коллективный разум, создал систему ценностных установок высокоразвитого современного цивилизованного мира, в котором индивидуальность личности отождествляется со знаком, фетишем, лейблом, отличающими ее от других. В начале XXI в. мощь техники достигла таких высот, с вершин которых человеку обещается возможность бессмертия, клонирования, или по крайней мере улучшения его природы [Розин, 2005, 82-94].

И в конечном итоге, благие намерения техники освободить человека от эволюционно присущих ему форм активной жизнедеятельности уже сегодня иницируют разнообразные формы нарушений функциональной и социальной адаптации людей. И потому объективно необходимым актом самосохранения оказывается имманентное стремление человека защитить себя от тотального давления техники, рационально выстраивая барьеры (от природно-материальных до идейно-духовных) между субъективностью и техническим миром [Фромм, 1993].

Еще одним фактором, направляющим обыденную жизнь человека начала XXI века, оказывается императивное давление потребительского общества, диктующего массовому обывателю его вкусы, пристрастия, привычки, вплоть до образа жизни. Жизненный мир нашего современника в урбанистических центрах (в провинциальной тиши отсчет времени и событийности пока более устойчивый и размеренный) напоминает калейдоскоп событий, ситуаций, временных мгновений, это бесконечный бег за мерцающими миражами потребностей, замыслов, идей, сменяющихся впечатлений, эмоций, это ориентация на фантомные идеалы и идолы. Это своеобразный марафон за мерцающим маревом повседневности, направление которого задается бесконечной погоней за вещью, становящейся символом, своеобразным персонифицированным знаком *Homo ludens* [Хейзинга, 2011, 10-21].

А истинно человеческое – любимое дело, сосредоточенность на существенном, радость общения, творческие мгновения, красота и гармония окружающего мира и многое малое и великое, что наполняет бытие человека смыслом и придает цель его жизни, остаются где-то в стороне от его потребительских интересов и ежедневных забот.

Современный процесс порабощения человеческого духа инстинктами потребительства с неизбежной закономерностью рано или поздно потребует от человека индивидуальной силы воли для защиты от губительной зависимости потребительской страсти, ибо стремление к самосохранению и обретению самости было, есть и будет его сущностной интенцией, или конкретной формой актуальной субъективности [Фромм, 1998, 189-389].

Анализируя далее причины и условия актуализации феномена субъективности следует отметить силу социального воздействия на индивидуальный разум массового общественного сознания, проводником которого становятся сегодняшние средства коммуникации, IT-технологии и мобильные системы личного пользования.

Научные сообщения наполнены понятиями цифровизации, коммуникации, медиаландшафта, интернета, онлайн-образования и другими чудесами медиасферы, обрушивающей на потребителя буквально лавину информации [Назаров, 208, 54-64].

Разумеется, общество как системное образование всегда, во все времена (в лице государства, его законов, или же в лице социальных малых общностей и иных объединений) стремилось включить индивида в орбиту своих интересов, при этом часто ограничивая его свободу, превращая в послушный, управляемый элемент системы. Но в настоящее время, в начале XXI века, общественный глас получил всемогущество благодаря новейшим коммуникационным каналам, открывающим в людях все тайное, личное, зачастую даже интимное и сакральное. С

современного человека снимаются всяческие покровы и тайны, он открыт и возвышению, и низвержению, он лишается индивидуальности, становясь одним из социальных атомов, движущихся по велению тотальной силы общей социальной воли. Индивидуальная свобода растворяется во всеобщем тотеме, что может (и должно) зародить личностное несогласие, сопротивление злу общественного давления.

Говоря о силе влияния социального разума на индивидуальное сознание через многочисленные каналы коммуникации, мы только несколькими штрихами коснемся их противоречивого влияния. Так, миллениалы безоговорочно уверены в силе и значимой ценности гаджета, что влечет их к осознанной, свободной связи с выбранным техническим средством, а процесс пользования еще более укрепляет такую связь. И другая причина действенной власти интернета в сегодняшней среде (особенно молодежной) – быстрая доступность, кажущаяся легкость и простота считывания информации. И в этом состоянии взаимной удовлетворенности пользователя и гаджета остается незаметной нарастающая зависимость человека от аппарата, в котором сосредотачиваются как цели, так и надежды, установки и ценности, а равно и интересы людей. Так формируется своеобразный парадокс: гаджет из инструментария превращается в *causa efficiens* – действующую причину, обретающую метафизическую силу влияния на человека.

Медиасреда, интернетсфера, виртуальный мир наполнены особой жизнью: там создаются мифы и фантомы массового сознания, возвышаются и низвергаются герои, строятся планы и рушатся судьбы и, таким образом, именно в коммуникационных блогах субъективность воплощается в актуальных жизненных актах. Правда, относительная ценность такого рода деятельности, как правило, осознается в процессе более зрелого жизненного опыта.

В ряду других социальных факторов, инициирующих актуальность субъективности, возможно назвать социальную дифференциацию общества на полярные силы, противостояние которых выражается все более отчетливо.

Проблема бедности-богатства в отечественной ментальности зародилась и окрепла в последние десятилетия, начиная с 90-х гг. Прошрое советское социально-экономическое равенство в бедности воспринималось как должное, «так жили все». Ситуация резко изменилась с появлением частной собственности и крупных состояний.

В научных публикациях, исследующих генезис и факторы развития отечественного социального неравенства, отмечается тенденция нарастания имущественного расслоения, следствием чего оказывается стагнация и ухудшение образа жизни неимущих, что лишает их возможности преодолевать бедность. Наследуемая бедность становится опасной тенденцией в современной России [Беляева, 2007, 21].

Одновременно с такой линией развития российского общества изменяется ситуация и в слое благополучных граждан, считающих, что их уровень жизни за последние десятилетия повысился, хотя этот слой по экономическим показателям относится к среднему классу, или даже к протосреднему классу [Гордон, 2001, 14]. Российское общество переживает социальный кризис, который не только может стать тормозом общественного прогресса, но и обесценивает идею трудовой справедливости, укорененную в отечественном сознании.

Разумеется, проблема социального неравенства гораздо глубже и содержательнее. Здесь важно было подчеркнуть, что социальные противоречия инициируют многообразие специфических форм субъективности.

Кратко анализируя социальные условия детерминации феномена субъективности, автор считает возможным обратить внимание на усиливающееся давление социальных регуляторов,

превышающих индивидуально личностные возможности их соблюдения. Что имеется в виду?

Основные контуры данного тезиса присущи отечественной социальной практике настоящего времени, в которой наблюдаются тенденции, могущие стать предметной сферой априорных философских рефлексий. В частности, в 90-е и последующие годы, в том числе и сегодня, населению страны предлагаются достаточно жесткие альтернативные варианты деятельности, вынуждающие их коренным образом менять сложившийся стиль жизни. К таковым можно отнести переобучение новым профессиям, освоение компьютерной грамотности, качественно новые технические формы коммуникации, многочисленные формы документооборота. Основным сферам жизни – образованию, медицине, сервисным службам зачастую предписываются нормативы и предписания, вызывающие или негативные реакции людей, или их сдержанное отношение.

Социальное давление потока новых форм деятельности, суть которых не всегда рационально обоснована, усиливается ускоряющимся темпом общественной жизни, соответствие которому требует повышенных энергетических затрат. Человек современный оказывается в жерновах между природно-биологическими циклами жизнедеятельности и императивом социальных обязанностей, предъявляемых ему общественным статусом.

Такая двойственность незаметно, но неизбежно приводит к эмоционально-психической напряженности, становящейся знаком времени. А способами снятия раздвоенного состояния становятся транквилизаторы, психоаналитики, личностное отчуждение, уход в виртуальные миры и иные пути самоотречения.

С некоторой осторожностью выскажем следующее суждение. В бытии современности насущной целью индивида может стать потребность самосохранения собственной идентичности, сбережение своей целостности, мировоззренческих устоев и нравственных основ, что органически сосредотачивается в феномене субъективности.

Остановимся на ее отдельных концептуальных аспектах. Понятие «субъективность» в гуманитарной эпистемологии предстает весьма вариативно, особенно велико его смысловое разнообразие в психологии. Однако атрибутивными актами определения данного понятия полагаются зависимость суждений, мнений, представлений от субъекта и выражение сущности внутреннего мира человека.

В пространстве здравого смысла или повседневного опыта людей слово «субъективность» часто ассоциируется с акцентированным личностно-индивидуальным актом действия, с предельной выразительностью человека. Это может быть личное мнение о чем-то, тенденциозность позиции или суждения, способ и характер действия, система нормативных принципов, которыми руководствует человек, его относительная ограниченность, волевые устремления и т.п.

Исторически субъективность репрезентирована широким спектром форм ее выражения: душа, идея, дух, духовность, благость, чувственность, переживание, мысль, мышление, рассудок, разумность, воля, сознание, самосознание, активность, интенциональность, свобода.

В сфере философской рефлексивности наличествуют такие концептуальные акты субъективности как: а) процесс становления, поступок, б) тип отношения к другому и разрешение такого отношения, в) картина, знак, шифр или образ, которым человек предстает перед другими, г) множественность индивидуального «Я», д) отличенность от других – «самость», е) способ интенционирования, направленности воли, стремления и желания.

И потому диалектически субъективность есть всеобщий способ самовыражения человека, конструирующего мир идеального бытия сообразно собственной имманентности при активной

ориентации на другого, вхождении в языковое пространство и усвоении социальной императивности.

Онтологически субъективность парадоксальна: человек творит себя в течение жизни, ориентирован на себя, но в абсолютном стремлении постичь себя вынужденно оказывается агностиком. И дело отнюдь не в недостатке научно-антропологического знания. Тайна человека коренится в универсальной возможности его становления, обновления и, как следствие, в исторической пластичности сообразно предписаниям времени и нормативам культурных парадигм.

Субъективность есть живое мерцание наличного опыта самобытия как цельного, системного знания о себе и потенциальной возможности обновления обретенного опыта. Это процесс «встраивания» себя в бытие, открытость себя самому и другому как расширяющийся горизонт самодостаточности.

Процессуальность субъективности внутренне противоречива: природно-генетически человек есть только возможность осуществленности. Действительностью он становится в актах сопричастности с другими. М. Хайдеггер полагал, что идея Я осуществляется только через противоположение себя другому и Я осуществляется как со-бытие и со-присутствие [Хайдеггер, 1997, 112-118]. «Другой» в философском дискурсе предстает как онтологическое (необходимое) условие бытия субъективности, акты проявления которой есть *natura naturata* индивидуального сознания.

Жизненный опыт человека в силу интенциональной, эйдетической и творческой активности сознания в структуре Я воплощается в системах идей, соотносящих субъект как с внешним миром, так и с внутренним. Предметная конкретность среды общения преобразуется в осознаваемых идеальных образах, которые с течением времени создают множественное содержательное поле рационального знания. Эта сфера идей выстраивается в субъектное многообразие мировоззрений – от обыденного здравого смысла до художественного, религиозного и философского.

И человек повседневно живет и действует в мире собственных идеальных сущностей – представлений, образов, впечатлений, фантазий, воображаемых миров, интуитивных догадок, оценок, строгих научных форм, априорных суждений и прозрений, открывающих ему собственные дороги бытия и ценностную значимость Других. Эмпирически субъект в реальной повседневности ежечасно и постоянно творит из обретенных им идеальных начал собственный мир субъективности. И потому можно сказать вслед М.Шелеру, Э.Фромму, Ж.-П.Сартру, М. Буберу, М.Хайдеггеру и многим другим мыслителям, что каждый человек открывает бытие в себе и для себя.

В таких имманентных картинах выстраивается иерархия предпочтений, первоначал, системы значимых для каждого индивида ценностных ориентиров. И во множестве выбираемых исходных основ личного поведения и социальной ориентации первоначальным (объективно необходимым) нам представляется правосознание. Здесь необходимо следующее уточнение. Говоря о правосознании, следует иметь ввиду не только знание и владение людьми системы юридических правил, норм и законов (как следует поступать и действовать в конкретной ситуации), но и в более широком смысле правосознание есть акт ценностного признания другого человека во всей полноте его личностных проявлений.

Правосознание не может быть ограниченным только правовыми модусами. Социальный мир человека выстраивается как бесконечный поток его связей и отношений с окружающими его людьми. Эта система многообразных коммуникаций подпитывается и скрепляется нравственно-правовой интенцией каждого и всех сообща. И потому правосознание «живет» и

воплощается как особенный образ жизни, как стиль поведения, как специфический способ жизнедеятельности, стержневая ось которого формируется из ценностного понимания агентов коммуникации, из дисциплины жизненного опыта и разума, когда человек действует разумно и достойно, и такое разумное достоинство скрепляет и направляет жизнь общества.

И таким образом, правосознание как система конкретных форм личностного отношения людей друг к другу создает общее социальное коммуникационное пространство, активно действующей силой которого оказывается субъективность. Напомним, что ее исходным началом признается имманентное сотворение человеком самого себя благодаря онтологической (всеобще значимой) обращенности к Другому (заглавная буква понятия «Другой» означает его онтологическую необходимость и единичность в актах общения. *Примечание авт.* – Л.М.)

Субъективность, так же, как и экзистенция, безусловно интенционирует к трансцендентному, т.е. она стремится выйти за пределы самости, чтобы обрести новую форму. Необходимым условием такого переоформления для каждого из людей и оказывается Другой, в роли которого может стать любой акт бытия. Как полагал М. Бубер, онтологическая значимость Другого в пространстве субъективности предстает многообразным спектром проявлений. В частности, Другой инициирует субъективность, открывая ее грани и возможности: – это возможность воплощения, реализация субъективности; – это удостоверение актуальности субъективности, ее действительности; – это живое одухотворение личностной индивидуальности; – это возможность выбора субъективности и возможность быть избранным; – это всеобщая трансцендентальная актуализация субъективности; – это знак, сигнал, закон, мера для самовоплощения субъективности; – это абсолютное условие, основание диалогичности субъективности; – это истина знания, самопознания, мышления; – это путь обретения универсальной множественности актов субъективности: бессмертия, преодоления неполноты и ограниченности, экзистенциального одиночества. И как бы подводя итог сказанному, М. Бубер отмечает, что Я стремится к другому, чтобы обрести себя. Ибо чистое, исходное Я всегда есть только проекция. обретающая определенность в интенции, воле, стремлении, желании, потребности, интересе, деятельности и творческой активности. И потому «только соучастие в бытии других живых существ обнаруживает смысл и основание собственного бытия» [Бубер, 1995].

Трансцендентная потребность в Другом создает всеобщую сферу актуального бытия субъективности, которое и становится онтологическим условием правосознания как системообразующего акта ценностного понимания другого человека. Именно такие отношения и делают возможным гармонию социального мира.

Заключение

Таким образом, правосознание есть социально первозначимый регулятор общественного устройства наряду со множеством иных норм, правил и законов. Но оно может предопределять развертывание и действие всех других общественных сил, тем самым выполняя функцию направляющего вектора становления субъективности как всеобщей данности социальной жизни.

Библиография

1. Беляева Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 21.

2. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М., 1995. 464 с.
3. Гордон Л.А. Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 5-21.
4. Назаров М.М. Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 54-64.
5. Розин В.М. Техника и социальность // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 82-94.
6. Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М., 1993. 416 с.
7. Фромм Э. Иметь или Быть? // Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998. С. 189-389.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 112-118.
9. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
10. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2011. 416 с

On subjectivity as an ontological prerequisite for legal awareness

Lyubov' M. Raikova

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Russian State University of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: monapiter@mail.ru

Abstract

Legal consciousness is a socially primordial regulator of social order along with many other norms, rules and laws. The article addresses the subjectivity phenomenon and its current on-growing social status. The structure and dynamics of the contemporary society is so multidimensional that public being determines the required variability of public consciousness. Specific analysis of variability in consciousness is presented through underlying power factors that, in contradictory ways, initiate subjectivity acts. Such factors include mutual influence of techno environment and the contemporary human, the imperative pressure of the consumer society values, the massive impact of IT-technologies, increasing social disparities and growing pressure of diverse social regulators. The article presents the analytical concept of variegated historical forms of manifestation for subjectivity. It also provides the author's interpretation of this concept as a universal method of human self-expression that designs a world of ideal being in accordance with one's own immanence mixed with an active out-ward-looking orientation, accession to language area and learning social imperatives. The article particularly focuses on the mainstreaming of subjectivity which becomes reality through inclusive interaction with the Other. The significance value of the Other is interpreted as the ultimate ground for legal awareness, the latter being the system social relations, with subjectivity as its active agent.

For citation

Raikova L.M. (2019) O sub"ektivnosti kak ontologicheskomo uslovii pravosoznaniya [On subjectivity as an ontological prerequisite for legal awareness]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (2A), pp. 82-90.

Keywords

Human, subjectivity, intention, techno reality, social disparities, dependence, ontological possibility, mainstreaming.

References

1. Belyaeva L.A. (2007) Material'noe neravenstvo v Rossii. Real'nost' i tendentsii [Material inequality in Russia. Reality and trends]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 11, p. 21.
2. Buber M. (1995) Ya i Ty [Me and you]. In: *Dva obraza very* [Two images of faith]. Moscow.
3. Fromm E. (1993) Chelovek dlya samogo sebya [Man for himself]. In: *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. Moscow.
4. Fromm E. (1998) Imet' ili Byt'? [To Have or To Be?]. In: *Psikhoanaliz i religiya. Iskusstvo lyubit'. Imet' ili byt'?* [Psychoanalysis and Religion. The art of loving. To have or to be?]. Kiev: Nika-Tsentr Publ.
5. Gordon L.A. (2001) Bednost', blagopoluchie, protivorechivost': material'naya differentsiatsiya v 1990-e gody [Poverty, well-being, inconsistency: material differentiation in the 1990s]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 3, pp. 5-21.
6. Heidegger M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow.
7. Heidegger M. (1993) Vopros o tekhnike [Question on technology]. In: *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya* [Time and Being. Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ.
8. Huizinga J. (2011) *Homo ludens*. St. Petersburg.
9. Nazarov M.M. (2018) Sovremennaya mediasreda: raznoobrazie i fragmentatsiya [Modern media environment: diversity and fragmentation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8, pp. 54-64.
10. Rozin V.M. (2005) Tekhnika i sotsial'nost' [Technique and sociality]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 5, pp. 82-94.